

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2012 – 5 (239)

Научно-информационный бюллетень

Издается с 1992 года

Москва
2012

Валентина Николаевна Сченснович
Россия и мусульманский мир № 5 / 2012

Серия «Научно-информационный бюллетень
«Россия и мусульманский мир»», книга 239

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10305362
Россия и мусульманский мир №5: Москва; 2012
ISBN 2012-5*

Аннотация

В журнале публикуются научные материалы по текущим политическим, социальным и религиозным вопросам, касающимся взаимоотношений России и мировой исламской уммы, а также мусульманских стран.

Содержание

КАКАЯ ДИПЛОМАТИЯ НУЖНА РОССИИ	5
ФЕДЕРАЛЬНОЕ «ВАХХАБИТСКОЕ ЛОББИ»	12
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ	19
РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ	22
ВЛИЯНИЕ РЕЛИГИОЗНОГО ФАКТОРА	25
ПЕРСПЕКТИВЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Россия и мусульманский мир №5

*КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – **НЕТ!**
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – **ДА!***

КАКАЯ ДИПЛОМАТИЯ НУЖНА РОССИИ В XXI ВЕКЕ?

*Игорь Иванов, президент Российского совета по международным делам,
министр иностранных дел России в 1998–2004 гг.*

Последние 20 лет – это сложный период, это время больших надежд и разочарований, революционных сдвигов и отчаянных попыток сохранить статус-кво, исторических свершений и трагических ошибок. Говорить о нем трудно еще и потому, что процесс фундаментальной перестройки мировой системы, начавшийся в середине 80-х годов прошлого века, далеко не завершен; мы находимся, по всей видимости, лишь в середине длительного исторического цикла перемен. Многие трансформационные тенденции пока еще набирают силу; результат их воздействия в полной мере проявится только через несколько десятилетий.

Но уже сегодня можно констатировать, что переход оказался не просто длительным, но и весьма болезненным. Причем для всех – не только для тех, кого считали проигравшими в «холодной войне», но и для тех, кто мнил себя победителем. В значительной мере это было связано с тем, что крах старой системы произошел очень быстро, по историческим меркам – почти мгновенно. Ни у кого не было подходящих «домашних заготовок» и «запасных вариантов», никто не мог похвастаться наличием выверенной долгосрочной стратегии. Всем приходилось импровизировать, опираясь не столько на опыт старших коллег и учителей, сколько на собственную интуицию и воображение. Иногда импровизации получались удачными, иногда не очень. Поэтому несправедливо оценивать политиков прошедших двух десятилетий с позиций сегодняшнего дня; порой они просто не могли предвидеть не то что долгосрочных, но даже и ближайших последствий своих решений.

Тем не менее анализ событий, успехов и просчетов – по возможности объективный и беспристрастный – необходим. Хотя бы для того, чтобы увереннее двигаться вперед, не наступая раз за разом на одни и те же грабли. Причем анализировать стоит не только собственные ошибки, но и просчеты и заблуждения других игроков.

Ловушка триумфаторства

Сегодня представляется очевидным, что 20 лет назад страны Запада и прежде всего Соединенные Штаты поддались триумфаторским настроениям, оказавшись в плену представлений о «конце истории», «однополярном мире», об универсальности либеральных ценностей. Триумфализм помешал трезво оценить масштаб нерешенных задач, породил иллюзорное представление о том, что стабилизация международной системы произойдет чуть ли не автоматически, без напряженных усилий, масштабных политических и материальных инвестиций, без компромиссов со старыми противниками и новыми оппонентами. За это триумфаторство скоро пришлось дорого заплатить – и не только целым набором международных кризисов и долгосрочных внешнеполитических проблем, но и упущенными историческими возможностями.

Если говорить о Соединенных Штатах, то на протяжении последнего 20-летия эта страна как минимум дважды имела реальные шансы стать общепризнанным лидером мирового сообщества, и оба раза упустила их. Первый раз – в 1989–1991 гг., когда распалась мировая коммунистическая система, а вслед за ней и Советский Союз. Авторитет США в мире был тогда исключительно высок; от американцев ждали новых идей, стратегического видения и долгосрочного лидерства в перестройке мировой системы. Вместо этого Вашинг-

тон продемонстрировал стремление по максимуму воспользоваться благоприятной обстановкой для получения тактических, сиюминутных преимуществ. Иллюзия однополярного мира оказалась слишком соблазнительной, Соединенные Штаты встали на путь навязывания другим странам своих интересов, и благоприятный момент для глобальной перестройки был упущен.

Еще один исторический шанс появился в 2001 г., когда после террористических актов в Нью-Йорке и Вашингтоне возникла реальная возможность создать широкую коалицию для борьбы с международным терроризмом. Более того, тогда можно было начать серьезное обсуждение реформы международной безопасности в целом, фундаментальных проблем международного права, перестройки системы органов ООН и пр. Уровень симпатии к США, солидарности с американцами в тот момент достиг пика. И что же? Вашингтон и тут пошел по пути односторонних действий, быстро растеряв кредит доверия, которым можно было бы воспользоваться для осуществления системных сдвигов в мировой политике. Результатом стали тупики в региональных конфликтах, раздувание американского военного бюджета с последующими бюджетными дефицитами и сопутствующими экономическими проблемами, а также взрыв антиамериканских настроений по всему миру. Тактические дипломатические победы быстро сменились стратегическими поражениями.

От курса девяностых – к «путинскому развороту»

А что же Россия? Оглядываясь назад, приходится признать, что и нам далеко не всегда удавалось избегать иллюзий и внешнеполитических просчетов. Наверное, главная российская иллюзия 1990-х годов состояла в романтическом представлении о мире после «холодной войны». Тогда нам казалось, что в изменившейся системе место для новой России уже зарезервировано, партнеры легко поймут наши текущие сложности и помогут ответить на трудные вопросы. По сути, мы надеялись – хотя никто не произносил такого вслух, – что кто-то сделает за нас нашу работу только потому, что Россия в одностороннем порядке завершила «холодную войну» и отказалась от значительной части советского наследия. Мы существенно недооценили жесткость, даже жестокость современной политики и переоценили готовность партнеров к стратегическому ви́дению и масштабным решениям. Прозрение наступило далеко не сразу и оказалось весьма болезненным.

Сейчас стало модным критиковать российскую политику 1990-х годов, представляя ее как цепочку односторонних уступок Западу, время бездумной сдачи позиций, немотивированного разрыва отношений с традиционными союзниками и резкого снижения профессионализма российской дипломатии. Подобная огульная критика несправедлива. Конечно, ошибки были, в том числе и очень обидные. Некритическое отношение к Западу тоже имело место, особенно в первой половине десятилетия. Но не будем забывать и о том, в каких условиях формировалась и осуществлялась наша политика 1990-х годов.

Российская государственность еще только-только складывалась, материальная база внешней политики практически отсутствовала, внутри страны один политический кризис следовал за другим, экономика находилась в состоянии, близком к свободному падению. В таких условиях задача выработки и реализации долгосрочной внешнеполитической стратегии была попросту невыполнимой. Подчас наши дипломаты проявляли чудеса изобретательности, решая тактические задачи. В обстановке катастрофического дефицита ресурсов они добивались минимизации неизбежных международных издержек, которые сопутствовали фундаментальной внутренней трансформации России.

На Западе много говорят о «путинском развороте» в российской внешней политике, противопоставляя путинский прагматизм романтике предыдущего периода. Однако не следует забывать, что первые годы пребывания Владимира Путина у власти (по крайней мере

2000–2003 гг.) были отмечены четко выраженной «интеграционистской» линией. Именно тогда предпринимались решительные попытки поднять на качественно иной уровень наши отношения с Европейским союзом, Россия согласилась на американское военное присутствие в Центральной Азии, для поддержки антиталибской операции в Афганистане был учрежден Совет Россия–НАТО, произошел рывок в отношениях с Всемирной торговой организацией.

Конечно, и десять лет назад российская внешняя политика оставалась многовекторной. Мы стремились активно развивать отношения с восточными соседями. Впечатляющий прогресс был отмечен на китайском направлении, оживился диалог с Индией, мы вплотную занялись поиском решения болезненного территориального вопроса с Японией. Иначе и быть не могло – для такой страны, как Россия, просто невозможно представить какое-то одно «эксклюзивное» географическое направление: слишком разнообразны наши интересы, велика вовлеченность в дела различных регионов мира.

И все-таки не будет преувеличением сказать, что в первые годы XXI в. западное направление являлось приоритетным. Москва многократно демонстрировала готовность к очень серьезным политическим инвестициям. Хочу подчеркнуть: Россия не сделала ни одного шага, не приняла ни одного решения, не выступила ни с одной международной инициативой, которые западные партнеры могли бы расценить как недружественные или наносящие ущерб их законным интересам.

И что же мы получили в ответ на стремление к стратегическому партнерству с Западом? Расширение НАТО продолжалось вопреки настойчивым возражениям Москвы и несмотря на очевидную сомнительность стратегии географической экспансии блока с военной точки зрения. Соединенные Штаты в одностороннем порядке вышли из советско-американского Договора о ПРО, подорвав тем самым систему стратегического баланса, десятилетиями складывавшуюся между Москвой и Вашингтоном. Начало военной операции США и их союзников в Ираке в очередной раз поставило под вопрос принцип верховенства права в мировой политике. Запад предпринял активные усилия по политическому проникновению на территорию стран СНГ и ослаблению там российских позиций.

Конечно, западные коллеги утверждали тогда и продолжают утверждать теперь, что все это – расширение НАТО, операция в Ираке, выход Соединенных Штатов из Договора о ПРО, проникновение на постсоветское пространство – «на самом деле» не были направлены против России и не наносили ущерба ее «истинным» интересам. На эту тему можно спорить, но важно другое: российская озабоченность, независимо от того, насколько она была обоснованной, неизменно игнорировалась. Нас попросту не хотели слышать, воспринимая «интеграционистский» курс «раннего Путина» как нечто само собой разумеющееся.

Все это не могло не вызывать разочарования. Поэтому «путинский разворот», кульминацией которого стала известная «мюнхенская речь», был, очевидно, в той или иной мере неизбежным. Значительную часть ответственности за него несут наши западные партнеры. Сама логика развития в начале века подводила российских политиков к неутешительному выводу о том, что в этом мире уважают исключительно силу, России никто и ничего не гарантирует, а отстаивать свои интересы нужно жестко и решительно. Поворот опирался и на осознание того обстоятельства, что Россия прошла точку своей максимальной слабости, ресурсная база для активной внешней политики год от года укрепляется, а следовательно – Москва может и должна говорить с Западом на языке равноправного партнера.

Судя по всему, такая заявка России стала неожиданностью для западных партнеров, которые сочли, что нарушаются некие раз и навсегда установленные – пусть формально нигде не зафиксированные – «правила игры». Нас стали обвинять во всех грехах – от намерения сколотить всемирную коалицию антизападных режимов до стремления воссоздать

Советский Союз. Но именно тогда к точке зрения Москвы начали прислушиваться, а российскую поддержку перестали воспринимать как нечто само собой разумеющееся.

Наверное, историки еще будут спорить о том, насколько «путинский разворот» повысил или понизил эффективность внешней политики. Можно полемизировать по поводу того, был ли он соразмерным сложившейся обстановке или все-таки избыточным и чрезмерным. Однако, вероятно, и горячие сторонники, и непримиримые критики согласятся в одном: сегодня крайне важно не повторять американских ошибок недавнего прошлого. А это значит, не впадать в эйфорию от возросших за последнее десятилетие возможностей российской внешней политики, не поддаваться искушениям односторонности, не злоупотреблять жесткой риторикой и не возлагать все надежды на свои сравнительные преимущества – будь то в военной силе или в энергетических ресурсах.

Американский опыт должен научить и другому: оппортунизм и лидерство несовместимы. Нельзя одновременно претендовать на первенство в мировой политике и придерживаться оппортунистических подходов к конкретным проблемам и ситуациям. Оппортунизм – удел слабых, пользующихся любой возможностью, чтобы добиться хотя бы маргинальных преимуществ и как-то укрепить свои позиции. На лидерство способны только сильные государства, готовые, если потребуется, жертвовать сиюминутными интересами во имя решения стратегических задач, в том числе и задач системного характера, не укладывающихся в рамки ближайших непосредственных национальных интересов. На протяжении большей части последнего 20-летия Россия была вынуждена порой прибегать к оппортунизму – на другое в таких случаях просто не было ресурса. Но исключения не могут перерасти в правила.

Конечно, мир жестче, циничнее, эгоистичнее, чем нам казалось 20 лет назад, но такие понятия, как «международное право», «мировое общественное мнение», «политическая репутация», «баланс интересов», – не просто пропагандистские фантики, маскирующие эгоистические интересы ведущих держав. Это реальные и важные параметры современной жизни. Политика, основанная исключительно на холодном цинизме и национальном эгоизме, часто далеко не самая эффективная, как демонстрирует тот же американский опыт.

Новое измерение силы

За последние 20 лет мир еще больше сместился в направлении взаимозависимости. Интеграционные процессы в мировой экономике, науке, культуре, в социальном и политическом развитии современного мира ускоряются. Ни одна страна – пусть даже самая сильная и самодостаточная – не способна решить все свои проблемы в одиночку. Изоляционизм при всей внешней привлекательности ведет в тупик – обрекает на стагнацию, отставание и неизбежный упадок. А эффективная включенность в глобальные политические, экономические, технологические, социальные и иные процессы требует исключительно тонкой настройки многочисленных инструментов внешней политики, большинством из которых мы только учимся пользоваться.

Фундаментальный вопрос на следующие 20 лет состоит в том, научится ли Россия использовать инструменты, которые в политической науке принято обозначать «гибкой» или «мягкой силой» (*soft power*). Реалистически оценивая динамику мирового развития, мы вынуждены признать, что возможности использования Россией традиционных инструментов внешней политики (таких как военная или экономическая мощь), скорее всего, будут сокращаться. Не обязательно потому, что страна обречена на то, чтобы слабеть. Просто многие другие участники мировой политики станут наращивать потенциал опережающими темпами – военно-технический, экономический, демографический. В первый раз за несколько столетий континентальное окружение России в Евразии (в первую очередь Китай и Индия)

оказывается более динамичным и более успешным, чем сама Россия. Значит, относительную слабость в материальной базе внешней политики придется компенсировать наращиванием преимуществ в ее «нематериальных» измерениях.

Уместна аналогия с экономикой. Возможности экономического развития России, связанные с использованием ее природных ресурсов, постепенно будут сокращаться. Отсюда задача радикальной диверсификации экономической базы – развития экономики знаний, внедрения инновационных технологий, стимулирования малого бизнеса и пр. Не создав новую, «умную» экономику, мы будем с каждым десятилетием и даже годом терять позиции, даже если цены на энергетические и сырьевые ресурсы останутся высокими. Экономика будущего – «умная», а не сырьевая. Точно так же внешняя политика будущего – «умная», а не основанная на использовании крайне ограниченного набора военных или энергетических инструментов.

Я, разумеется, отнюдь не призываю сдать в утиль вооруженные силы и отказаться от использования потенциала энергетики в интересах внешней политики. В мире будущего вряд ли кто-то обойдется без энергоносителей или военной силы. Но мы должны отдавать себе отчет в том, что значение этих двух активов в международных отношениях со временем будет снижаться. Вопрос лишь в том, сколь быстрым и плавным окажется это снижение, сколько времени останется в запасе. И для России жизненно важно использовать нынешнюю, относительно благоприятную геополитическую обстановку, чтобы принципиально диверсифицировать набор наших активов за рамками военной силы и энергоресурсов.

Государства, располагающие более значительной и быстрорастущей ресурсной базой, могут позволить себе «линейные» и традиционалистские внешнеполитические стратегии. Страны, которые уже вписались в многосторонние интеграционные группировки, способны передать часть бремени по разработке своего внешнеполитического курса наднациональным органам. У России таких возможностей в обозримой перспективе не будет.

На протяжении ближайших лет российская внешняя политика, как и наша экономика, должна стать «умной». Это не означает, конечно, что раньше она была неумной; просто раньше мы использовали (и подчас весьма эффективно!) то, что было под рукой, и то, что мы унаследовали от прошлого – в частности, сохранившийся военно-технический потенциал и имеющиеся энергетические ресурсы. В современном мире этого недостаточно для того, чтобы сохранить международные позиции России, а тем более чтобы укрепить их.

Подчеркну еще раз, переход к «умной» внешней политике не сводится к *совершенствованию механизма* принятия и осуществления решений. Это тоже важно, в том числе тщательная экспертная проработка наших инициатив, кардинальное повышение уровня межведомственной координации внешней политики, подключение институтов гражданского общества к осуществлению внешнеполитических проектов, использование различных моделей государственно-частных партнерств во внешней политике и т.д. Без этого никакая «умная» политика работать не будет.

Равным образом содержание «умной» политики не может быть сведено к *повышению гибкости* внешнеполитического курса и *оперативности* принятия решений. Конечно, в наше время эти параметры приобретают особое значение, поскольку политикам и дипломатам приходится реагировать на быстро меняющуюся обстановку, учитывать большое количество независимых переменных, и упущенные единожды возможности могут больше не представиться. Цена ошибок и просчетов, пусть даже тактических, цена промедления или бездействия – резко возрастает.

Но все-таки механизм принятия и реализации внешнеполитического курса или степень его гибкости и оперативности – не самое главное. Речь, на мой взгляд, о задаче принципиально иного масштаба: *мы должны радикально обновить и расширить набор внешнеполитических инструментов*, который Москва способна задействовать в международных

отношениях. «Умная» внешняя политика предполагает способность политического руководства воспользоваться максимально широким набором активов, которыми располагают данная страна и данное общество. Включая, конечно, и нематериальные активы, которые часто игнорировались или как минимум серьезно недооценивались традиционной дипломатией прошлого. Человеку свойственно бояться того, чего он не понимает и что он не умеет контролировать. Мы пока еще не очень хорошо понимаем и тем более не способны контролировать ведущие тенденции мировой политики XXI в. – такие как повсеместное распространение новых коммуникационных технологий, резкое увеличение международных миграционных потоков, глобализация образования и науки, беспрецедентный взрыв активности публичной дипломатии, ставшие уже неизбежными климатические сдвиги и многое, многое другое. Пока эти тенденции воспринимаются в России в первую очередь как вызов нашей безопасности и нашим интересам, как угрозы, от которых страну нужно защитить тем или иным образом.

Психологически желание многих политиков, чиновников, дипломатов отгородиться от новых измерений мировой политики вполне понятно. Новые измерения не укладываются в традиционную логику политической игры, их трудно просчитать, еще труднее – использовать, последствия не всегда предсказуемы. Но, отгораживаясь от нового, мы отгораживаемся не только от проблем, но и от возможностей. Вполне вероятно – от наиболее перспективных возможностей, которые будут доступны на протяжении ближайших десятилетий. А проблемы все равно никуда не уйдут, сколько бы мы ни пытались отрицать их значимость или существование вообще.

Россия, как и любая другая страна в современном мире, все равно не сможет изолировать себя от происходящих вокруг изменений. Только активное участие в нарастающих глобализационных процессах способно в должной мере обеспечить национальные интересы. А «умная» внешняя политика может оказаться решающим козырем, перевешивающим относительный дефицит материальных ресурсов. По той простой причине, что значимость «нематериальных» компонентов будет, по всей видимости, возрастать. Как, кстати, и значимость «нематериальных» измерений в жизни человека вообще. Для иллюстрации ограничусь одним примером из повседневной жизни. Столь популярные во всем мире коммуникационные устройства – *iPad* и *iPhone* – целиком собираются в Китае китайскими компаниями. Но никто, кроме специалистов, не знает названий этих сборочных предприятий, равно как и фамилий их менеджеров. Зато все знают калифорнийскую корпорацию *Apple* и ее – уже, к сожалению, бывшего – лидера С. Джобса. Потому что именно С. Джобс и *Apple* придумали и разработали концепцию электронных коммуникаторов нового поколения, они предложили революционную идею, которая изменила отношение к Интернету у десятков миллионов людей в самых разных странах. И поэтому вполне справедливо, что *Apple*, а не ее китайские подрядчики, вышла на первое место в мире по уровню капитализации. Идея, а не стандартный материальный ресурс, оказалась определяющим экономическим преимуществом в конкурентной борьбе. Точно так же идея, а не материальный ресурс, станет определяющим политическим преимуществом государства в глобализирующемся мире.

* * *

Переход России на уровень «умной» политики откроет новые возможности международного влияния и перспективы интеграции в складывающуюся на наших глазах мировую систему. Но от власти и общества он потребует серьезных усилий – на каждом приоритетном направлении «умной» политики.

Сравним, к примеру, два глобальных рынка – рынок вооружений и рынок образовательных услуг. Экспорт вооружений всегда был инструментом традиционной дипломатии, экспорт образования – относительно новое явление. Два рынка по объемам сегодня сопоставимы друг с другом, хотя экспорт образования развивается быстрее, чем экспорт

вооружений. На рынке вооружений Россия представлена неплохо, на рынке образования позиции более чем скромные. Стоит ли удивляться? Наверное, не стоит. Ведь экспорт военной техники для России – общегосударственное дело, на которое работают многочисленные министерства и ведомства, где лоббистами выступают высшие должностные лица, куда идут многомиллиардные субсидии, под которое формируются федеральные целевые программы. Экспорт образования остается задачей (причем отнюдь не самой приоритетной!) Министерства образования и науки, политические и финансовые ресурсы государства тут почти не задействованы, реальная межведомственная координация практически отсутствует, а отдельные университеты реализуют свои институциональные программы экспорта образовательных услуг, часто конкурируя друг с другом.

С точки зрения «умной» внешней политики такое положение неприемлемо. При всем значении экспорта военной техники экспорт образовательных услуг будет гораздо более эффективным инструментом. Не говоря уже о том, что этот рынок имеет больше перспектив роста, чем мировой рынок вооружений. А это значит, надо разрабатывать общегосударственную стратегию продвижения российского образования, выделять соответствующие ресурсы, обеспечивать координацию работы министерств и ведомств, высших учебных заведений и частного бизнеса, одним словом – рассматривать экспорт российских образовательных услуг как один из главных приоритетов.

Такой же стратегический подход нужен в других ключевых областях мировой политики – от использования Интернета до регулирования международной миграции. Не обязательно России удастся добиться быстрого успеха во всех этих областях: слишком от многих факторов он зависит, и далеко не все из них мы способны контролировать. Но внешнеполитическое наступление необходимо вести максимально широким фронтом, чтобы продвижение на одних направлениях политики тянуло за собой и другие. «Умная» внешняя политика в мире еще только зарождается. Пока не как политическая практика и даже не как целостный проект, а лишь как разрозненный набор инновационных идей, которые рано или поздно преобразуют международную систему.

В данный момент Россия имеет как минимум одно тактическое преимущество по сравнению с другими ведущими игроками. Мы находимся в самом начале нового политического цикла, а потому имеем преимущество среднесрочного планирования – как минимум на шесть лет вперед. Большинство других стран, также задумывающихся об «умной» внешней политике, такой привилегии лишены – их текущие политические циклы короче и близятся к завершению. Так почему бы России не попытаться стать лидером в назревающем интеллектуальном прорыве?

«Россия в глобальной политике», М., 2011 г., № 6, ноябрь-декабрь, с. 18–27.

ФЕДЕРАЛЬНОЕ «ВАХХАБИТСКОЕ ЛОББИ» И «СТОКГОЛЬМСКИЙ СИНДРОМ» ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ

Я. Амелина, политолог

Исламизм¹ является одной из наиболее серьезных угроз общественному порядку и государственному строю Российской Федерации. Именно он в течение как минимум последних пяти-семи лет является главной движущей силой действующих на Северном Кавказе незаконных вооруженных формирований. Бандформирования, мотивированные идеями политического ислама, стали проявлять себя и в Поволжье (Татарстане и Башкортостане), что объясняется постепенным распространением джихада на этот регион.

Рассуждения некоторых экспертов о том, что борьба против исламистов якобы проиграна, не соответствуют действительности хотя бы потому, что в России она фактически не начиналась. Однако на пути эффективного противостояния распространению исламистских идей стоит сформировавшееся как на региональном (северокавказском), так и на федеральном уровне «ваххабитское лобби» (в Поволжье таковое формируется в настоящее время), деятельность которого потенциально, возможно, более опасна, чем непосредственно экстремистская.

Согласно общепринятому определению, лобби называют группу или организацию, активно подталкивающую посредством подкупа, угроз или пользуясь дружеским расположением к принятию определенного, выгодного ей решения. Сам по себе лоббизм не является преступлением или общественно порицаемым деянием – вопрос лишь в том, какие интересы навязываются обществу таким образом. «Ваххабитское (исламистское) лобби» в России действует в ряде направлений, содействуя реализации интересов как исламистских кругов в целом (в том числе пока не перешедших к силовой борьбе против российского государства), так и непосредственно вооруженного исламистского подполья.

Северокавказскому, да и всему российскому обществу навязывается комплекс вины в отношении исламистов, взявших в руки оружие, «разъясняется», что на этот путь их толкнули «семья и школа», т.е. законопослушное окружение, якобы не обеспечившее экстремистам должных условий для их самореализации в качестве мусульман, а также внушается, что исламизм в его экстремистских, противоречащих Конституции и иным российским законам формах, неизбежно победит, и вопрос лишь во времени его окончательного торжества. Как правило, это продлевается в неявной, иногда иносказательной форме, что затрудняет идентификацию лоббистов и борьбу с ними.

Итогом распространения подобных настроений является создание в северокавказском социуме атмосферы апатии и безнадежности, внедрение в него идеи невозможности противостояния распространению исламистского влияния и в конечном итоге полной «сдачи» сторонников светского пути развития. На федеральном уровне «ваххабитское лобби» пре-

¹ Согласно определению известного исламоведа, доктора философских наук Александра Игнатенко, исламизм – идеология и практическая деятельность, ориентированные на создание условий, в которых социальные, экономические, этнические и иные проблемы и противоречия любого общества (государства), где наличествуют мусульмане, а также между государствами, будут решаться исключительно с использованием исламских норм, прописанных в шариате (системе норм, выведенных из Корана и Сунны). «Иными словами, речь идет о реализации проекта по созданию политических условий для реализации исламских (шариатских) норм общественной жизни во всех сферах человеческой жизнедеятельности». Именно поэтому исламизм именуется еще политическим исламом или политизированным исламом.

следует те же цели, дополняя их парализующим страхом, который должен испытывать российский обыватель при одном звуке слов «исламизм» и «Кавказ».

Целенаправленность, с которой «ваххабитское лобби» проводит интересы своих «клиентов», заслуживает серьезного внимания, поскольку обращена против российских государственных интересов и российской государственности как таковой. Главным двигателем этого процесса является ряд российских экспертов, журналистов и общественных деятелей. Далеко не всех из них можно назвать идейными сторонниками исламизма, однако преувеличивать финансовый мотив их деятельности также не следует. «Ваххабитское лобби» начало складываться по крайней мере несколько лет тому назад и к настоящему времени представляет собой единую медиа- и экспертную машину высокой степени управляемости. Приведем лишь несколько примеров, иллюстрирующих основные направления деятельности «ваххабитского лобби».

Пожалуй, наиболее показательной стала реакция его представителей на взрывы в московском метро, случившиеся 29 марта 2010 г. Российская умма, судя по заявлениям, отражающим ее интересы политологов и публицистов, оказалась не готова резко отмежеваться от террористов (!). Происламистские эксперты попытались если не полностью оправдать исполнителей терактов, то, во всяком случае, найти для них смягчающие обстоятельства, а также максимально затушевать религиозную составляющую происшедшего, объясняя терроризм исключительно социально-экономическими причинами. Неготовность осознать истинные истоки терроризма в обозримом будущем может осложнить положение мусульман, усилить негативные тенденции недоверия и противостояния между различными частями российского общества.

На общем фоне выделялся материал старшего научного сотрудника Института востоковедения РАН Руслана Курбанова. Высказанные в нем мысли показались автору настолько важными, что Курбанов, несколько видоизменяя текст, опубликовал его по крайней мере в трех различных изданиях как в Москве, так и на Кавказе. «То, что московское метро взрывало не кавказское вооруженное подполье, очевидно, – начинается вариант, вышедший на Islam.ru. – Даже если официально будет объявлена именно “имаратовская” версия, и даже если кто-то из самих “лесных” возьмет на себя последние теракты, слишком многое говорит о том, что это не так». Применительно к московским событиям его версия строится на единственном допущении: взрывы прогремели не в тоннелях, где глушится сигнал мобильной связи, а на станциях, значит, предположительно, бомбы были взорваны принудительно. «Таким образом, становится очевидным, что подорвавшиеся женщины, скорее всего, были не убежденными смертницами, сами нажавшими на кнопку взрывателя, – делает вывод Руслан Курбанов. – На их месте могла оказаться любая, кого попросили передать знакомым сумку или пакет» (как поясняет автор, «по широте кавказской души»). Террористок-де использовали втемную, «а прибегнуть к такой тактике сегодня может кто угодно». Характерно, что он продолжал развивать эту версию и когда после терактов прошло полмесяца, а следствию и общественности стало известно много новой информации, в том числе о личностях террористок.

Описывая ситуацию на Кавказе (которая, по его мнению, «вне всякого сомнения, сложнее и непредсказуемее в долгосрочной перспективе, чем это было каких-то лет пять назад»), автор статьи оперирует понятиями, вызывающими по меньшей мере недоумение. Он называет уничтоженных боевиков Ясина Расулова, Абу Загира Мантаева и Анзора Астемирова не иначе как «радикалами-интеллектуалами» исламистского подполья, «дагестанскими и кабардинскими интеллектуалами, вышедшими на тропу войны» (Астемирова – «боевым лидером и правоведом в одном лице»), упирает на то, что они сыграли ключевую роль в сознательном отходе кавказских боевиков от практики захвата заложников и ударов по мирным жителям. «Очевидно и то, что сегодня через взрывы в московском метро вновь реализу-

ется масштабная многоходовая провокация по разжиганию антикавказской и антиисламской истерии и фобий для придания нового импульса процессам разрушения общего российского социального, культурного и политического пространства, — делает он логичный для подобных построений вывод. — А проще — процессам отрыва Кавказа от России».

Отметим, что реакция Курбанова на теракт в московском аэропорту Домодедово, происшедший 24 января 2011 г., была абсолютно такой же. «Ведь никто еще не доказал, что подорвавшийся смертник был кавказцем, — пишет он в своем блоге на сайте Общественной палаты РФ. — Ведь никто еще не доказал, что этот смертник прибыл с территории Имарата Кавказ, а не, скажем, с какого-нибудь московского бомжатника, будучи накаченным психотропными веществами. Ведь еще никто не доказал, что это действительно был убежденный смертник, а не подстава». По мнению этого политолога, теракт планировался именно для того, чтобы вызвать у россиян «первую реакцию массового сознания — Снова этот Кавказ!» Но даже если за случившимся действительно стоит кавказский террорист-смертник, «самые громкие теракты на Кавказе последних лет, даже с использованием смертников, уже давно не совершаются диверсантами Имарата Кавказ в одиночку»: за ними, бездоказательно убежден Руслан Курбанов, стоит успешная «смычка определенной категории боевиков с определенной категорией высокопоставленных оборотней в погонах». «Не могу исключить, что сейчас между двумя фигурами, одна из которых может находиться в лесах Ичкерии, а другая в пределах Садового кольца, не обсуждается план нового теракта, — заключает аналитик Курбанов. — Учитывая логику роста дерзости терактов, возможно, что в качестве новых целей рассматриваются олимпийские объекты в Сочи или спортивные объекты Чемпионата мира по футболу в России...» Что это, как не попытка перевалить с больной головы на здоровую, попытавшись представить виновными в терактах не исламистов, а правоохранительные органы и силовые структуры? Напомним, ответственность как за взрывы в метро, так и за теракт в Домодедово взял на себя глава Имарата Кавказ Доку Умаров.

В статье «Эволюция “леса”», увидевшей свет через две недели после терактов в метро, Курбанов ставит вопрос по-другому: «Какой “лес” более выгоден самой России, или, вернее, политической элите России? “Лес”, как нарождающийся политический конкурент, но воздерживающийся от кровавых ударов по мирным жителям? Или “лес”, как кровавый хищник, наносящий неожиданные удары в самое сердце огромной державы, но окончательно дискредитированный в качестве политического конкурента?». Уточним, речь идет об исламистском вооруженном подполье. Как видим, Курбанов просто не рассматривает иную, единственно верную альтернативу: полное уничтожение «леса» и отказ от включения его представителей в российскую общественно-политическую жизнь.

Квинтэссенция того, что хочет донести до российской публики этот эксперт и его единомышленники, выражена в одном из выступлений Руслана Курбанова на телеканале Russia.ru. Рассуждая о причинах «взрывной активизации боевиков в последний год и массового притока молодежи в горы», Курбанов признает, что таковыми являются «не социально-экономические проблемы, не коррупция, не безработица: сегодня в лес, в горы уходит огромное количество состоятельных ребят». «Молодые мусульмане уходят в ряды боевиков из-за того, что они в современном мире, в современной России не могут найти для себя возможности реализоваться в качестве мусульманина, сохранив при этом самоуважение к себе как к человеку, следующему религии чистого единобожия», — констатирует Руслан Курбанов. Сделать это им, оказывается, не позволяют «коррумпированные региональные власти», «грубо действующие правоохранительные органы, не разбирающие между умеренными и радикальными мусульманами», а также «замшелое духовенство, которое не приемлет обновления своих рядов». Кавказское мусульманское сообщество находится в состоянии бурного возрождения, отмечает Курбанов, заключая: «Если этой бурной возрождающейся социальной энергии молодых ребят не дать выход, не канализировать их в созидательное, конструк-

тивное русло, то они все равно найдут себе выход – но выход через кровь, через насилие, влившись в ряды радикальных группировок». Логично предположить, что альтернативным выходом, по мысли Руслана Курбанова и его единомышленников, является инкорпорация исламских фундаменталистов в государственные и общественные структуры, т.е. фактическая «сдача» светского российского государства воинствующим адептам средневековых религиозных ценностей.

В «курбановском» направлении мыслит и сопредседатель Российского конгресса народов Кавказа, вице-президент Академии геополитических проблем Деньга Халидов, который предлагает легализовать шариатское судопроизводство наравне с официальными судами («пусть сосуществуют две системы права, это никак не нарушает принципы Федерации»), «вернуть жестко в рамки закона федеральных силовиков», а также «исходить из задач интеграции большинства (заблудших, обманутых и пр.) и моральной и социальной изоляции непримиримого меньшинства экстремистского подполья». По мнению сопредседателя РКНК, «государство и правоохранительные органы должны занять нейтральную позицию во внутриконфессиональном конфликте; стараться интегрировать лидеров общественного мнения из внесистемной оппозиции, с мусульманской “начинкой”, в общественные и государственные проекты». Деньга Халидов любезно облек в слова то, на что прозрачно намекнул Руслан Курбанов. *Перед нами – часть проекта по продвижению фундаменталистской точки зрения в российский политикум и социум, попытка представить исламизм в качестве равноправного, хотя пока и несколько экзотического, политико-религиозного течения.* Этому проекту, потенциально чрезвычайно опасному, необходимо оказывать решительное противодействие, тем более что реализуется он не только в медиа-сфере, но и в области реальной политики.

Подпись Руслана Курбанова стоит под официальным заявлением рабочей группы Общественной палаты РФ по развитию общественного диалога и институтов гражданского общества на Кавказе, в котором отмечается, что «главная задача террора – не убийство неповинных людей, а именно разжигание ненависти и ксенофобии в нашем обществе». «Уже звучат безответственные голоса журналистов и некоторых публичных деятелей, обвиняющих кавказцев и мусульман, – констатируется в документе. – Люди, позволяющие себе подобные заявления, потакают террористам и являются их пособниками». Необходимо четко осознавать, что «победа над террором невозможна только одними силовыми методами без глубоких социально-экономических и гражданских преобразований на Кавказе и во всей стране», указывают авторы заявления.

Вообще не упоминая исламский фундаментализм как явление, члены рабочей группы Общественной палаты сводят проблему к «социальной несправедливости, наличию, даже спустя десятилетия после завершения конфликтов, лагерей беженцев, уровень жизни в которых ниже допустимого для человеческого достоинства, чудовищному разрыву между богатыми и бедными, закрытию школ, деградации системы среднего образования и здравоохранения в горных и сельских районах», которые, по мнению авторов заявления, и «приводят к росту протестных настроений в молодежной среде, что не может не использоваться радикалами и экстремистами всех мастей».

Таким образом, подписанты пытаются объяснить терроризм социально-экономическими проблемами, полностью отменяя религиозный фактор. Среди подписавших это заявление – тогдашний пресс-секретарь президента Ингушетии Калой Ахильгов, председатель Московского бюро по правам человека Александр Брод, тогдашний спецкор журнала «Русский Newsweek» Орхан Джемаль, главный редактор сайта «Кавказский узел» Григорий Шведов, руководитель рабочей группы Максим Шевченко.

Несколько слов о позиции Максима Шевченко. Комментируя теракты в московском метро, он заявил происламистскому интернет-порталу «Ансар.ру», что их спонсоры и ини-

циаторы не имеют отношения к «Талибану», Афганистану и т.д.: «финансирование и подогревание этнической ненависти и неприязни на Кавказе исходит из США, Великобритании и Израиля в первую очередь». «Поэтому не надо делать за случившееся крайними ответственными Кавказ, кавказское общество или мусульман, – убежден Максим Шевченко. – Те преступники, которые это осуществили, возможно, сами того не подозревая, являются заложниками в руках сил, которые предельно далеки и от ислама, и от Кавказа». Он также напоминает, что «общий фон радикализма и готовность кавказской молодежи к радикализму является следствием чудовищной социально-экономической деградации, бездны, которая сегодня появилась на Кавказе между бедными и богатыми». «Кавказ маргинализируют и загоняют в гетто, – считает Шевченко. – Естественно, Кавказ сопротивляется». По его мнению, «терроризм на Северном Кавказе напрямую связан с тем, что происходит в Ираке, на Ближнем Востоке, в Афганистане, куда вторглись и нагло попирают человеческое достоинство вооруженные силы запада. Подлинными виновниками терроризма – именно они. Они принесли кровь, разрушения и ужас в регионы, заселенные мусульманами, где радикалы были достаточно маргинализированы».

Шевченко оправдывает главу Чечни Рамзана Кадырова, многократно заявлявшего о приоритете законов шариата над светскими законами и необходимости введения многоженства, постоянно обращается к мысли о необходимости диалога с ваххабитами, внедряет эту мысль в общественное сознание: «Надеюсь, что... будет установлен нормальный диалог с теми общинами мусульман, которые не совершают противоправных действий там, уголовных или каких-то террористических, просто хотят как-то жить по-другому». Он неоднократно разъясняет эту идею, и становится ясно, что речь идет именно об исламистах, причем в том числе обвиняемых в совершении тяжких преступлений, в частности проходящих по делу о событиях в Нальчике в октябре 2005 г. «Основная масса людей находится в оппозиции (исламистском подполье) из-за невозможности реализации каких-то своих социальных замыслов, – утверждает Максим Шевченко. – Их загнала в лес коррупция, правовой и силовой беспредел... Людям должны быть гарантированы их права в рамках исповедания той веры, того толка ислама, который они считают для себя нужным и, естественно, они должны находиться в рамках уголовного кодекса, как и все граждане». Кроме того, уверен общественный деятель, эти люди должны быть «включены в общественный процесс».

Однотипных примеров подобных высказываний можно привести огромное количество. Теперь несколько слов о стокгольмском синдроме. Рассуждая о причинах серии терактов в Приэльбрусье, где 20 февраля 2011 г. с паузой в несколько часов был обстрелян автобус с туристами (убито трое человек) и взорвана канатная дорога, обозреватель «Новых московских новостей» Иван Сухов пишет, что на вопрос, «кому выгодна война на курорте», существуют два ответа. Журналист приводит их: «Она выгодна силовикам, которые сохраняют и приумножают свое влияние на Северном Кавказе, если Кабардино-Балкария превратится в постоянно действующий очаг нестабильности, но потеряют его, если там расцветет горнолыжный туризм» (поскольку в соучредители кластера никого из генералов пока явно не приглашали), и тем, «кто хотел бы дискредитировать всю нынешнюю кремлевскую стратегию на Кавказе, с инвестициями и рабочими местами вместо зачисток».

Эти абсолютно фантастические (и явно напоминающие курбановские относительно теракта в «Домодедово») версии были активно поддержаны другими известными журналистами, специализирующимися на «кавказском» направлении. В ходе дискуссии вокруг статьи Сухова высказывались мнения, согласно которым за терактами в КБР могут стоять «ваххабиты, которых не пустили в бизнес» или экономически обделенные местные жители (по мысли либералов, социально-экономическая составляющая должна присутствовать обязательно).

Простая мысль о деятельности в республике исламистского подполья опровергалась аргументами вроде «убийство туристов не вписывается в тактику подполья... Во всяком случае, не вписывалось раньше» (Ольга Алленова, «Коммерсант») и рассуждениями на тему «чи интересы на самом деле оно выражает». Участники беседы признали, что само существование «леса» возможно только из-за сочувствия населения, которое нужно не преследовать как соучастников преступлений, а переубеждать, и, помогая исламистам, руководствуется оно якобы нерелигиозными мотивами, поскольку «ни одна религия не оправдывает убийц».

Эта дискуссия пересказывается здесь в качестве примера того, насколько глубоко российское общество – причем та его часть, которая, казалось бы, осведомлена о происходящем на Кавказе значительно лучше среднего обывателя, – охвачено «стокгольмским синдромом». Подобные настроения демонстрируют и ряд экспертов. Так, к диалогу с ваххабитами призывает руководитель группы мониторинга молодежной среды Республики Дагестан, эксперт Центра исламских исследований Северного Кавказа Руслан Гереев, считающий, что «иногое дано: конечно, работать нужно, и диалог необходим как воздух». По его словам, «ценности светского государства на Кавказе частично отрицались всегда, в этом для нас нового ничего нет. Вопрос в другом, а именно: в сочетании светского и шариатского. Нужно разработать их симбиоз». «Если есть потребность населения в шариате, то запретить следовать идейным установкам Господа никто не может и не в силах, – констатирует Гереев. – Значит, умный подход с моей точки зрения может быть только один – сочетание мусульманского кодекса с Конституцией». Эксперт, похоже, смирился с ползучей шариатизацией Дагестана и даже не пытается, хотя бы на словах, противостоять этому негативному явлению.

Пораженческие идеи давно проникли в умы представителей не только медиа- и экспертного сообщества, но и властных структур. Министр по национальной политике, делам религий и внешним связям Дагестана Бекмурза Бекмурзаев также считает, что с «оппозиционерами» в религиозной сфере «нужно разговаривать», хотя, признает он, делать это трудно, «потому что они не могут преодолеть ненависть». «Находясь за рубежом в составе российских делегаций, я часто встречался с представителями террористических организаций, которые сейчас уже превратились в национальные и религиозные движения, – повествует он. – Даже в их глазах я не видел столько ненависти, сколько у наших людей». Доверительные отношения с исламистами еще не сложились, так как они опасаются, что после встречи с министром к ним придут силовики. Ссылаясь на шариат, Бекмурзаев говорит, что определяющим понятием является примирение враждующих сторон, но не упоминает, на каких условиях оно должно происходить.

Наличие «ваххабитского лобби» является неоспоримым фактом. Предлагаемые лоббистами меры – переговоры с исламистами, интеграция их в структуры власти, СМИ и другие общественные институты – должны быть решительно отклонены. Очевидно, что диалог с людьми, мотивация которых лежит в сфере религиозного, невозможен, поскольку отсутствует предмет такового. Необходимо четко понимать, что конечной целью ваххабитов и К^о является построение на территории России исламского государства, основанного исключительно на исламистской идеологии в наиболее радикальной ее форме. Эта идеология ясно выражена в программном материале, размещенном на одном из джихадистских сайтов: «Нет ничего удивительного, что оборонительный джихад и установление исламского правления является личной и безусловной обязанностью каждого, так как жизнь под властью куфра зачастую хуже и сложнее смерти». «Аллах повелел нам жить по Его шариату, и только оружием, уничтожая противников шариата, мы сможем выполнить Его волю», – повествует один из идеологов северокавказского джихада.

Пытаться доказывать свое право на жизнь тем, кто изначально в нем отказывает, унижительно и абсурдно, а кроме того, бесперспективно. Ввиду неконституционности как предла-

гаемых (навязываемых) изменений в сфере государственного устройства и формы государственного правления, так и методов, которыми ваххабиты пытаются воплотить их в жизнь (вооруженная и террористическая борьба), «диалог» с ними может вестись исключительно в форме жесткого силового противостояния со стороны правоохранительных органов.

Поскольку идеология исламизма является религиозной, предлагаемые государством меры социально-экономического характера (увеличение рабочих мест, сокращение безработицы среди молодежи и т.п.) не принесут ожидаемого результата. Эффективно противостоять религиозной идеологии может только идеология аналогичного, т.е. религиозного содержания. Можно также рассмотреть вариант внерелигиозной национальной идеи, которая объединит общество, сплотив его в противостоянии радикалам, однако на сегодняшний день подобной идеи не просматривается. Формулировка и провозглашение от имени государства альтернативной всеобъемлющей идеологии является первоочередной задачей, что, однако, невозможно в условиях принятой в России концепции либерализма и «общечеловеческих ценностей». В кругах силовиков, непосредственно сталкивающихся с радикальными фундаменталистами, по этому вопросу наличествует консенсус. Другое дело, что конкретных предложений по данному вопросу ввиду его сложности и многогранности пока не прозвучало.

Необходимо жесткое противостояние «ваххабитскому лобби» в информационном пространстве. В настоящее время информационно-аналитические ресурсы сторонников традиционного ислама проигрывают конкурентам со стороны исламистов как по оперативности, так и по форме подачи материала. Следует отметить, что традиционалисты, в отличие от фундаменталистов, практически не ведут пропаганды в популярных среди молодежи социальных сетях. Требуется ясно показать, что светскость российского государства и необходимость отстаивания своих прав исключительно мирными и законными средствами не является предметом обсуждения. Темы введения в России или отдельных ее регионах шариата, многоженства, исламского правления не должны обсуждаться (как это, к сожалению, имеет место на Северном Кавказе), поскольку, как уже отмечалось, являются антиконституционными. Подобные дискуссии должны регулироваться мерами, предусмотренными Административным и Уголовным кодексом. Вокруг исламистов и «ваххабитского лобби» должна быть создана атмосфера нетерпимости, в противном случае победа будет за ними.

«CAUCASICA: Труды Института политических и социальных исследований Черноморско-Каспийского региона», М., 2011 г., с. 273–281.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН

Дугурхан Кокорхоева, кандидат исторических наук (Ингушский государственный университет)

Актуальность статьи – в необходимости осмыслить институциональное развитие власти в субъектах Российской Федерации на примере крупного региона – инициатора политических инноваций. Опыт развития институтов власти в Республике Татарстан важен для понимания форм закрепления повышенного политического статуса, соотношения тенденций централизации и децентрализации власти в России.

Региональная власть своеобразна. Она представляет собой подсистему общегосударственной власти, служит распространению инноваций. Но региональная власть также выражает интересы местного сообщества, сглаживает импульсы, исходящие из центра, поддерживает свою автономию. Региональная власть обеспечивает баланс политических интересов, учет требований сообщества в политических решениях. Тем самым обеспечивается легитимность власти региона перед лицом и населения, и власти общегосударственной.

«Парад суверенитетов», начатый летом 1990 г., придал импульс институциональному многообразию систем власти в республиках СССР. Бывшие автономные республики и автономные области РСФСР повышали статус до национально-государственных субъектов Федерации. Ряд республик (Татарстан, Башкортостан, Тыва, Якутия, Чувашия) претендовали на верховенство своей власти и законодательства по отношению к федеральным. В Чечне установился сепаратистский режим, угрожавший территориальной целостности и безопасности Российского государства и носивший этнократический характер. Выбор уровня притязаний республиканских элит, методов и институциональных форм реализации их интересов зависел от объема ресурсов влияния, от межэтнических отношений в каждом регионе.

В сравнительном контексте Татарстан стал одним из инициаторов ненасильственной «суверенизации», ориентиром для импорта политических институтов другими республиками. Повышенный статус органов власти, их неподконтрольное федеральному центру строение закреплялись в законодательстве Татарстана 1990–1993 гг. Тенденция конфедерализации стала прослеживаться во время подготовки «Декларации о государственном суверенитете Татарской Советской Социалистической Республики». Принятию предшествовали бурные обсуждения. Вследствие компромиссов 30 августа 1990 г. «Декларация о государственном суверенитете ТССР» принята Верховным Советом республики, что определило вектор развития институтов власти и создало условия конфедерализации.

После провала ГКЧП политический процесс в Татарстане дестабилизировался. К концу 1991 г. возник парламентский кризис. В 1992 г. на Всетатарском курултае образован Милли меджлис как орган, представляющий интересы татарского народа и обладающий полномочиями для создания альтернативных властных структур. Он стал претендовать на функции парламента; 19–21 июня 1992 г. в Казани состоялся Всемирный конгресс татар. Инициированный Президентом Татарстана М.Ш. Шаймиевым, конгресс был призван стать не только приоритетной формой этнической консолидации, но и институтом принятия властных решений.

В условиях этнополитической мобилизации элита Татарстана предпочла правовые методы институционализации власти. Референдум о статусе Республики Татарстан был про-

веден 21 марта 1992 г. Получив поддержку 61,4 % явившихся избирателей, конфедеративный проект обрел легитимность. Республика отказалась подписать Федеративный договор 31 марта 1992 г. в отличие от других регионов России. Конституция РТ 6 ноября 1992 г. закрепила ключевое положение, которое характеризует конфедерализацию: «Республика Татарстан – суверенное государство, субъект международного права, ассоциированное с Российской Федерацией – Россией на основе Договора о взаимном делегировании полномочий и предметов ведения».

Вместе с тем установление в Российской Федерации сильной президентской власти в итоге кризиса 21 сентября – 4 октября 1993 г. и принятие Конституции РФ 12 декабря 1993 г. повысило ресурсы власти центра. Региональная правящая элита уже не нуждалась в поддержке радикальных этнических движений, взяла курс на компромисс с федеральным центром. Экономический кризис доказал непродуктивность изоляции республики. Поэтому начинается переход к федерализму, пусть вначале – децентрализованному. Договор между РФ и Республикой Татарстан «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан» был подписан 15 февраля 1994 г. Договор, ставший компромиссным, предоставил РТ повышенный, асимметричный статус. Характерно признание земли, ее недр и всей собственности Татарстана достоянием многонационального народа Татарстана. Признавалось право Татарстана вступать в международные отношения, устанавливать связи с иностранными государствами, заключать с ними договора и соглашения.

Начиная с осени 1999 г. политические условия федеративного строительства в России кардинально изменились. На смену договорам о разграничении полномочий пришло воссоздание единой системы власти и приведение регионального законодательства в соответствие с федеральным. В силу политических условий асимметричность сменилась новой, централизованной схемой взаимоотношений «центр – регионы». Интеграция республик в единое политическое пространство Российской Федерации является закономерным проявлением модели симметричного, конституционного федерализма. Вместе с тем политическая элита Татарстана продолжает в осторожной форме отстаивать особый статус республики. Так, в июле 2007 г. Государственной думой РФ утвержден «Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти РФ и органами государственной власти Республики Татарстан».

Институциональная организация власти в Татарстане имеет свою специфику. Конституция РТ выводит президента из системы разделения властей, не относя его ни к одной из ветвей. Согласно ст. 89, Президент Республики Татарстан является «главой государства, высшим должностным лицом Республики Татарстан». Президент не включается в систему исполнительных органов, но является главой исполнительной власти. В п. 2 ч. 1 ст. 94 говорится, что президент «возглавляет систему исполнительных органов государственной власти Республики Татарстан». Он определяет внутреннюю политику и направления внешней деятельности Татарстана. Федеральный закон не предусматривает должности премьер-министра и устанавливает, что высшее должностное лицо субъекта Федерации является руководителем высшего исполнительного органа власти субъекта Федерации. Но посты президента и главы правительства в Татарстане разделены.

Политолог О.И. Зазнаев доказал доминирующее положение Президента Республики Татарстан по отношению к законодательной и исполнительной власти. Конституционные нормы закрепляют сильное президентство, а традиционная политическая культура с ориентацией на лидера способствует поддержанию сильного президентства в Татарстане. Президенту обеспечена поддержка большинства Госсовета РТ – фракции «Единая Россия». В Татарстане механизм сдержек и противовесов и система контроля над президентом и орга-

нами исполнительной власти со стороны парламента слабы. Кабинет министров ответственен перед Президентом РТ. Правительство отчитывается перед Госсоветом РТ лишь «по отдельным вопросам», не было ни одной попытки отправить правительство в отставку по инициативе Госсовета РТ.

Татарстанский президент избирался населением путем прямых выборов (не всегда альтернативных), что соответствовало его политической роли. Но с 2005 г. Президент РФ представляет на утверждение Государственного совета РТ кандидатуру высшего должностного лица. Отмена прямых выборов президента РТ и участие российского президента в назначении главы республики снизили уровень автономности власти в Татарстане, как и отставка М.Ш. Шаймиева в 2009 г. Новый президент Р. Минниханов не обладает высоким персональным влиянием, более активно поддерживает инициативы федерального центра.

Итак, основными этапами институционального развития политической власти в Татарстане являются суверенизация (конфедерализация) 1990–1994 гг., децентрализованный федерализм 1995–2000 гг. и унитарный федерализм. Организация институтов власти Татарстана обладает своей спецификой. Особенностью организации власти является доминирование президентских признаков при наличии элементов парламентской системы в условиях федерального вмешательства во взаимоотношения ветвей власти республики. Форму организации власти можно назвать сверхпрезидентской. Она характеризуется несбалансированностью ветвей власти, слабыми «сдержками и противовесами», сверхсильной властью Президента РТ, растущим вмешательством федеральных институтов власти. Политическая институционализация органов власти Республики Татарстан подтверждает весомую роль технологий доминирования исполнительной власти в системе разделения властей.

«Вестник Волгоградского государственного университета», Волгоград, 2011 г., сер. 4, № 2, с. 184–186.

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ РЕЛИГИОЗНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ БАШКОРТОСТАНЕ

Лейла Алмазова, кандидат философских наук (Институт истории АН РТ, Казань)

В середине 1990-х годов в связи с активизацией национальных, религиозных и политических процессов в России появился ряд самостоятельных муфтиятов, в том числе Духовные управления Республики Татарстан и Республики Башкортостан, не подотчетные Центральному духовному управлению мусульман России. Республика Башкортостан представляет собой уникальное явление, поскольку на ее территории одновременно действуют два муфтията: мусульмане северной и северо-западной части республики находятся под юрисдикцией ЦДУМ, а верующие центральных и южных районов подведомственны ДУМ РБ.

Из 413 мусульманских приходов, зарегистрированных в 1990-е годы, к ЦДУМ России относились 149 общин, а к ДУМ РБ – 264. При том что мусульманское население Республики Башкортостан представлено примерно в равной пропорции татарским и башкирским этносами, первоначально инициаторами создания ДУМ РБ выступили башкирские национальные организации, а в ведении ЦДУМ России остались территории с преимущественно татарским населением, хотя постепенно данная тенденция сглаживается. На 2004 г. в подчинении ЦДУМ России находились 490 приходов (в Министерстве юстиции зарегистрировано 184 прихода и 35 мухтасибатов), а в подчинении ДУМ РБ – 300 приходов (227 зарегистрированных приходов и 20 мухтасибатов). Подобное своеобразие и неравномерное соподчинение сохраняется и в сфере религиозного образования.

Из девяти ныне действующих в Башкортостане мусульманских религиозных учебных заведений три находятся в ведении ДУМ РБ. Это медресе им. Марьям Султановой, медресе «Галия» (располагающееся в одном здании с медресе им. Марьям Султановой), а также медресе в г. Стерлитамак. В свою очередь, пять учебных заведений, среди которых имеется одно высшее, подотчетны ЦДУМ России. Это Российский исламский университет при ЦДУМ России (Уфа), медресе при мечети «Ляля-Тюльпан» (Уфа), женское медресе «Хакимия» (Уфа), медресе Фатиха в селе Туймазы, медресе «Нур ул-ислам» в г. Октябрьск и женское медресе в селе Кандры.

Мусульманские учебные заведения, подотчетные ДУМ РБ, имеют лишь две ступени образования: начальные курсы при мечетях и медресе, обеспечивающие получение среднего специального образования.

Курс обучения в медресе им. Марьям Султановой при ДУМ РБ рассчитан на пять лет, и по его завершении выпускники получают специальность имама-хатыба. Медресе прошло лицензирование в 2007 г. В нем используется программа обучения, рекомендованная Советом муфтиев России, и преподаются как нерелигиозные дисциплины (информатика, башкирский язык, история, философия и арабский язык), так и религиозные: подраздел фикха – *ибадат* (правила культа и исполнения религиозных обязанностей), *адаб* (мусульманское воспитание), *тафсир* (толкование Корана), *тажвид* (правила чтения Корана), *хадисы*, *Сира* (жизнеописание Пророка Мухаммада) и *кыраа* (рецитация Корана).

Наиболее сильной базой медресе им. Марьям Султановой обладает в сфере преподавания арабского языка, поскольку в нем на постоянной основе работают профессиональные преподаватели из университета ал-Азхар, с которым у медресе подписано специальное соглашение. В настоящее время в медресе обучаются всего 18 шакирдов, при этом на 5-м

курсе нет ни одного студента. Занятия ведут пять преподавателей, четверо из которых обучались в Египте или Бухаре (один учился как в Египте, так и в Бухаре).

Наибольшие проблемы медресе испытывает с набором шакирдов на дневное отделение, поскольку, по словам проректора по учебной работе Руслана Саяхова, туда идут учиться молодые люди из неблагополучных в материальном отношении семей. Для них медресе дает возможность иметь крышу над головой, бесплатно питаться и при этом получить образование. Здесь следует подчеркнуть, что в данном случае медресе берут на себя ту функцию, которую не выполняет на современном этапе государство, а именно – заботу о воспитании представителей социально незащищенной части общества.

Медресе «Галия» при ДУМ РБ осуществляет обучение шакирдов на вечернем и заочном отделениях. Как правило, его абитуриентами являются действующие имамы, которых ДУМ РБ обязывает получить среднее религиозное образование, поскольку подавляющее большинство сельских имамов такого образования не имеют. Между тем, как заметил ректор медресе «Галия» Ильяс Мухамадеев, современные верующие требуют ответы на все новые и новые вопросы, с чем имамы, получившие религиозные знания самостоятельно, уже не справляются. В настоящее время на заочном, вечернем и дистанционном отделениях медресе обучаются 74 человека. При этом многие студенты являются выходцами из Сибири, Барнаула, Свердловска и Челябинска. Работа в медресе в г. Стерлитамак строится на той же основе, а количество студентов дневного отделения не превышает 20–30 человек.

Несколько иная картина предстает перед исследователем при рассмотрении ситуации с учебными заведениями, подведомственным ЦДУМ России. Здесь система образования имеет большую преемственность и включает в себя три ступени – начальную, среднюю и высшую. Обучение в медресе среднего звена рассчитано на два года. В случае его успешного завершения шакирдов зачисляют сразу на 3-й курс Российского исламского университета при ЦДУМ России. При сравнении с учебными заведениями, подотчетными ДУМ РБ, здесь, прежде всего, обращает на себя внимание большее число учащихся.

В медресе при мечети «Ляля-Тюльпан», дающим среднее религиозное образование только в форме заочного обучения, учатся около 300 шакирдов. В Российском исламском университете на дневном отделении обучаются 150 студентов, а на заочном и вечернем отделениях – по 300 шакирдов на каждом. В 2007 г. было открыто женское медресе «Хакимия», на дневное отделение которого зачислили 30 девушек. Российский исламский университет планирует открытие собственных филиалов в Оренбурге, Ульяновске, Самаре, Пензе, Ноябрьске, Алееве и в других населенных пунктах с представительными мусульманскими общинами.

В медресе, дающих среднее специальное образование, обучение ведется по общепринятому стандарту. При этом особое внимание уделяется изучению арабского языка, поскольку на следующей ступени обучения в Российском исламском университете освоение многих предметов ведется по источникам на арабском языке («Зубдат» ал-Бухари, «Тарих» ат-Табари и др.).

В Российском исламском университете при ЦДУМ России принят за основу стандарт по теологии, включающий в себя комплекс как светских, так и религиозных дисциплин. К первым относятся политология, история, социология, психология, тюрки (старотатарский), татарский, башкирский и русский языки, информатика, философия, экономика, физкультура, правоведение, этнология, математика, концепции современного естествознания, культурология и др.; ко вторым – *таджвид* (правила рецитации Корана), *кыраат* (рецитация Корана), *фикх* (мусульманское право), *усуль ул-фикх* (основы мусульманского права), хадисы, *тафсир* (комментарии Корана), *хутба* (правила произнесения проповедей), *усуль ул-хадис* (основы хадисоведения), воспитание и нравственность в исламе и ряд других. На дневном отделении института готовят студентов по двум специальностям – теолог-педагог

и преподаватель; на заочном проводится подготовка по специальности теолог-историк. В добавление к действующему теолого-педагогическому факультету планируется открытие факультета экономики и менеджмента. Таким образом, мы наблюдаем более быстрые темпы развития учебных заведений, подведомственных ЦДУМ России, по сравнению с медресе, принадлежащим ДУМ РБ.

Следует особо подчеркнуть то, что во всех ведомствах и центрах образования, в которых удалось побывать и пообщаться с их руководством, настойчиво проводится мысль о необходимости объединения усилий исламских структур и о бесперспективности противостояния двух центров управления мусульман Башкортостана.

Что касается материальной поддержки, оказываемой правительством России системе мусульманского образования в Башкортостане, то она осуществляется в отношении трех учебных заведений. Через светскую структуру Башкирского государственного педагогического университета государственная финансовая помощь поступает в медресе им. Марьям Султановой, медресе «Галия» и в Российский исламский университет при ЦДУМ России. Таким образом, мы можем констатировать то, что российское правительство проводит взвешенную политику в отношении обеих ветвей исламского образования.

Кроме того, в рамках проекта российского правительства в области подготовки специалистов различной квалификации, углубленно изучающих историю и культуру ислама, в Башкирском педагогическом университете им. Акмуллы в 2008 г. была введена специальность «Юриспруденция», и по ней началась подготовка десяти студентов. Набор на вновь открытое отделение осуществляется по направлению Духовного управления мусульман Республики Башкортостан.

«Изучение преподавания ислама в Евразии», М., 2010 г., с. 110–115.

ВЛИЯНИЕ РЕЛИГИОЗНОГО ФАКТОРА НА ЭКСТРЕМИСТСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ ДАГЕСТАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Зайд Абдулагатов, кандидат философских наук (Дагестанский научный центр РАН)

Активное участие в течение длительного времени (с 90-х годов XX в.) молодежи Дагестана в деятельности незаконных вооруженных формирований (НВФ) и других организованных преступных группировок как проявление экстремистского поведения позволяет говорить о наличии постоянно действующих факторов (в том числе религиозного), формирующих такую позицию. Приведем некоторые данные. Молодежь среди задержанных в Дагестане за террористическую деятельность в 2005 г. (за восемь месяцев – 115 человек) составила 62,8 %. В 2008 г. среди арестованных – 76,2 %; в 2009 г. – 67,7 %. В 2005 г. среди убитых членов НВФ лица от 15 до 30 лет составили 76 %, в 2008 г. – 71,2, в 2009 г. – 70,1 %. Заметно участие молодежи в структуре активных организаторов террористических актов: доля молодых в 2005 г. составляла 66,7 %, в 2009 г. – 32,2 %. Приведенная статистика молодежного экстремизма нуждается в коррекции с учетом следующего. Во-первых, в республике, безусловно, идут кланово-мафиозные столкновения, в которых погибают много людей. Часто без достаточных оснований эти убийства приписывают религиозным экстремистам. Тем самым масштабы религиозно-политического экстремизма преувеличиваются. Во-вторых, деятельность НВФ, или, как их называют, «лесных братьев», почти всегда однозначно, но не всегда обоснованно, связывают с преследованием религиозных целей. Больше всего об этом говорят духовные лидеры салафитских организаций, которые, пользуясь остротой ситуации, пытаются легитимизировать деятельность салафитов, запрещенных так называемым «антиваххабитским» законом (1999). В действительности данное явление весьма сложное, отражающее неоднозначность социализационных траекторий, которые приводят молодых людей в «леса». Они могут иметь как религиозно определенный, так и иной социальный характер.

Следует отметить, что религиозному сознанию молодых мусульман Дагестана давно присущи идеи экстремизма. Многие из них были убеждены в том, что в Чечне идет настоящий джихад, несмотря на отсутствие фетвы по этому вопросу. Даже признавая ошибки Багауддина – известного лидера радикального салафизма в Дагестане, и Басаева, они на эмоциональном уровне испытывали симпатии к сражающимся против федеральных сил и местных режимов на Северном Кавказе. Салафизм (по идеям близкий к ваххабизму) стремится стать идеологией, привлекательной для населения. По опросам, проведенным автором, 24,4 % населения не считают ваххабизм экстремистским течением. По мнению отдельных экспертов – и с ними надо согласиться, – салафиты смогли найти поддержку у части исламской молодежи в республике.

В определенной степени формирование религиозно-экстремистских настроений у молодых людей спровоцировала несовершенная правовая база противодействия экстремизму. Дагестанский «антиваххабитский» закон, как и подобные законы, принятые в соседних республиках, не учел одного обстоятельства: многообразия форм проявления исламского фундаментализма. В законе РД «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности» (1999) оказались смешанными два различных явления:

а) склонность к насилию под религиозными и квазирелигиозными лозунгами;

б) твердая приверженность убеждениям и образу жизни, которые человек считает правильными.

Относительно роли исламской религии в экстремистской деятельности, в том числе террористической, существуют две противоположные точки зрения. Согласно одной, ислам, как и всякая другая религия, не имеет никакого отношения к экстремизму. Считается, что «ислам – религия мира», а потому она может быть лишь использована определенными силами в достижении своих политических, не исламских целей; но религиозного экстремизма, как проявления религиозной социализации личности, в ней нет. В ходе подготовки Всероссийской конференции «Актуальные проблемы противодействия религиозно-политическому экстремизму» (г. Махачкала, 6 июня 2007 г.) духовные лидеры категорически возражали против термина «религиозный» в ее названии. Другая точка зрения основывается на том, что имеет место не только религиозно-политический, но и религиозный экстремизм. Он возможен потому, что религиозное сознание создает свою специфическую «объективную» реальность, смысл и значение которой для верующего такие же (а зачастую и выше), как факты реальной жизни. Наиболее серьезной формой религиозно-политического экстремизма является не инструментальное использование возможностей религиозного протеста, а смыкание религиозного экстремизма с политической деятельностью.

Известный исследователь ислама в Дагестане Д.В. Макаров считает, что главный вызов ваххабизма лежит не в религиозной, а в социально-политической плоскости. Данное утверждение можно истолковать как определение коренных причин террористической деятельности на Северном Кавказе в социально-политической сфере, а религия – форма выражения социального протеста. Точка зрения Д.В. Макарова достаточно убедительно связывается с марксистской методологией анализа религиозного сознания. Религиозное сознание как духовная надстройка способно породить собственные источники развития. Одним из показателей такой возможности является разработка в мусульманском богословии понятий «батин» и «захир». Другим – продолжающиеся в течение многих веков богословские конфликты между суфиями (тарикатистами) и салафитами независимо от социально-политических условий. Как справедливо писал А.М. Васильев по поводу ваххабизма, «заранее оговоримся, что невозможно найти социально-политическое содержание в каждом положении ваххабитского учения. Оно в значительной мере охватывает... область внутри-богословских схоластических споров».

Надо признать, что и в дагестанском салафизме имеют место наряду с социально-политическими свои собственные, религиозные корни возникновения. Необходимость различения религиозного и религиозно-политического экстремизма в условиях Дагестана важна по нескольким причинам.

Во-первых, экстремальность религиозного сознания, как правило, проявляет себя в индивидуальном сознании. Так, в трех социологических опросах в РД, проведенных с 2004 г., находит подтверждение гипотеза, согласно которой исламское массовое сознание в республике имеет высокое консервативно-салафитское содержание. Это не радикальный салафизм, обозначенный в современном Дагестане как «ваххабизм», и не конструктивный салафизм типа татарского джадидизма, склонного к широкому применению традиций иджтихада – новых истолкований основополагающих сакральных текстов с целью адаптации к изменяющемуся миру. Оно проявляет себя в строгом соблюдении норм шариата, в отрицании каких-либо новшеств в практике исламского поведения.

Данная форма салафизма в Дагестане имеет глубокие исторические корни. Своеобразие ее бытования заключается в том, что в стабильные периоды развития общества она не объединяла верующих в религиозные секты, политические организации, не ставила задачу реорганизации общественной и государственной жизни по строгим нормам салафизма. Индивидуальные (не объединенные в какие-либо секты политические организации) формы

проявления исламского фундаментализма могут стать экстремистскими при определенных политических, социально-экономических условиях. Это довольно распространенное явление в Дагестане, особенно в горной и предгорной зонах. «Антиваххабитский» закон при последовательном его применении неизбежно противопоставляет себя устоявшимся религиозным нормам, затрагивая конфессиональные интересы больших групп населения. Это обстоятельство провоцирует процессы перехода неэкстремистских форм фундаментализма в экстремистские. Увеличение числа религиозно-экстремистских группировок, включающих молодежь, после принятия «антиваххабитского» закона, возможно, связано и с данным обстоятельством.

Религиозный фактор в экстремистском поведении молодежи

С целью выявить степень проявления религиозной мотивации конфликтного, экстремистского поведения в молодежной среде нами были проведены в 1996–2010 гг. социологические исследования. Эмпирическую базу статьи составили, прежде всего, данные опроса молодежи республики, осуществленного в 2010 г. Опрашивались молодые люди в городах Махачкала, Дербент, Хасавюрт, Кизилюрт, Буйнакс, а также в селах Ботлихского, Буйнакского, Карабудахкентского, Кизилюртовского, Казбековского и Каякентского районов. Естественно, первый вопрос, который связан с влиянием религии на социальное поведение молодежи, – это вопрос об уровне ее религиозности. По данным, полученным автором в 2004 г., показатель религиозности в группе молодежи возраста «до 29 лет» – 81 %. Причем, по итогам четырех опросов, начиная с 1996 г. религиозность населения медленно уменьшалась – от 85 до 79 %. По данным же 2010 г., у молодежи показатель религиозности неожиданно составил почти 95 %. Объяснение данному факту, видимо, следует искать в динамике религиозного сознания населения РД.

Одним из главных обстоятельств, влияющих на формирование радикалистских настроений в молодежной среде, является наличие в их религиозном сознании фундаменталистских составляющих. В целях их выявления респондентов спрашивали: «Как вы считаете:

- а) исламская религия должна быть такой, какой она была при Пророке Мухаммаде;
- б) мусульманская религия со временем должна меняться, так как меняется жизнь;
- в) затрудняюсь ответить».

Имелось в виду, что ответы на данные вопросы не дают оснований для каких-то окончательных выводов. Но они служат начальным звеном «прошупывания» особенностей их исламской адаптации, религиозного сознания. Были выделены две группы верующих, условно названных «фундаменталистами» (избрали пункт а) и «модернистами» (избрали пункт б), с последующей проверкой последовательности реализации этих позиций в ответах на ряд других вопросов. Как оказалось, эти группы в вербальном религиозном поведении продемонстрировали неслучайность своих ответов на указанные вопросы. В частности, это касалось их ответов о влиянии религиозных норм на неправомерное поведение верующих, оценке отдельных позиций ваххабитов в вопросах исламской веры, предрасположенности к силовому протесту государству по религиозным мотивам. Учитывая, что около 95 % молодежи назвали себя мусульманами, следовало ожидать высокий уровень влияния религиозного сознания на оценки процессов социального, социально-политического характера, происходящих в республике.

В разрезе «фундаменталистов» и «модернистов» рассматривался вопрос об отношении молодежи к законам государства. Смысл исламского отношения к законам светского государства заключается в том, что они оцениваются как «второсортные», придуманные людьми, меняющиеся со временем. Мусульманин может следовать законам государства, но не может допускать мысли, что они выше шариатских. В радикальном салафизме эта позиция нахо-

дит крайнюю форму своего проявления: а) мусульманину нельзя судить или присягать суду шайтанских (сатанинских) законов; б) мусульманин не может предоставлять «право законотворчества кому-либо, кроме Аллаха (издает законы только Аллах)».

Одним из вопросов, с помощью которых выявлялось отношение верующего к законам государства, был вопрос о шариате и законах государства. Данные свидетельствуют о следующем:

1. В молодежной среде законы шариата ставятся выше законов государства.
2. Учащимися религиозных учебных заведений законы государства оцениваются гораздо ниже, чем студентами светского вуза.
3. Различия в отношении к законам государства со стороны «фундаменталистов» и «модернистов» существенны: первые явно тяготеют к салафитской позиции исключительности норм шариата.

Все это показывает отрицательное влияние исламской религиозной социализации на формирование правовой культуры молодежи. Тем не менее, как отмечалось, для мусульманина «второсортность» светских законов совершенно не означает, что он будет их нарушать. Умеренный ислам этого не требует.

Как влияет религиозность молодежи на соблюдение светских законов? В связи с этим ставился вопрос о том, в каких случаях молодой человек может проявить неповиновение государству. Респондентам предлагались семь вариантов ответа. При анализе ответов проводились следующие действия. Во-первых, выделялась чисто конфессиональная причина несоблюдения законов. То есть вариант ответа, в котором цель неправового поведения определяется как реализация исламского учения. Вычленение данной составляющей группового сознания проводилось выявлением удельного веса выбравших вариант ответа: «Я могу проявить неповиновение государству, если его законы противоречат моей вере». Полученные ответы по данной позиции можно обозначить как фундаменталистские, салафитские, так как речь идет не просто о несогласии, а о возможном реальном действии против закона. Во-вторых, ряд вариантов ответа не имел религиозного содержания. Выбор ответов из этого ряда говорит о слабой связи протестного настроения с религиозным сознанием или об отсутствии таковой.

Как оказалось, среди верующих молодых людей почти 30 % готовы выразить протест государству, «если его законы противоречат моей вере». Среди семи предложенных возможностей ответа данная позиция у верующих имеет наибольший удельный вес, что показательно для салафитского потенциала протестных настроений в молодежной среде. Индексы возможных протестных настроений по причинам религиозного характера в исламских учебных заведениях выше, чем в светском (26,1 % против 17,5 %). Парадоксально, но в исламских учебных заведениях консервативно-салафитское отношение к законам государства проявляется в меньшей степени, чем в общей выборке (25,6 % против 31,7 %). Это при том, что среди студентов и учащихся исламских учебных заведений «фундаменталистов» больше на 11,5 %, чем в светских. В связи с этим можно предположить: в исламских учебных заведениях Дагестана, где преимущественно знания даются на основе позиций суфизма – традиционной оппозиции салафизму, верующая молодежь более склонна к признанию мирного сосуществования религиозного и светского. Из достаточного количества обнаруженных при анализе устойчивых связей в цепочке «различные степени веры – девиантность» выбывает показатель протестных настроений «модернистов» среди студентов и учащихся исламских учебных заведений, ибо он оказался статистически незначим из-за малочисленности «модернистов» в данной группе выборки (3,3 %).

Учитывая то, что противодействие государству со стороны религиозных экстремистов выражено главным образом в покушениях на жизнь и здоровье представителей правоохранительных органов, можно было предположить, что доверие к милиции у молодых людей

будет зависеть от их отношения к религии. Но оказалось, что религиозный фактор в молодежном сознании не проявляет себя в ответах на данный вопрос. Ответ: «Я доверяю милиции» выбрали 20,7 % верующих; «не доверяю» – 50,3 %. Некоторое различие в ответах на этот вопрос наблюдается между «фундаменталистами» и «модернистами»: «доверяю» – 18,8 и 23,1 % соответственно, «не доверяю» – 51,4 и 46,2 %. У «фундаменталистов» доверия к милиции чуть меньше.

В ответах на вопросы о приоритете правовых норм (шариат и законы государства) и о причинах неповиновения государству среди мужчин оказалось больше «фундаменталистов», чем среди женщин. Ожидания большей приверженности к нормам шариата по сравнению с законами государства у сельских респондентов не оправдались. Более высокий уровень экстремальности в поведении молодых горожан наблюдался в ответах на вопрос о причинах возможного неповиновения законам государства.

Необходимо отметить, что с 2003 г. ситуация, связанная с деятельностью «ваххабитов» в Дагестане, заметно изменилась.

Во-первых, расширилось число их «рядовых» сторонников, а также организаторов экстремистской деятельности.

Во-вторых, они создали собственное финансовое обеспечение через сборы «закята» (мусульманского налога), которые больше похожи на новые формы рэкета, чем на добровольные пожертвования.

В-третьих, террористические акты больше направлены не на гражданских лиц, а на сотрудников правоохранительных органов, чем «ваххабиты» пытаются усыпить протест в их адрес со стороны населения.

В-четвертых, в новых условиях «лес» стал неким отстойником, где собралась молодежь не только религиозно-протестного, но и социально-протестного настроения.

В последнее время много говорится и о бандитской составляющей «лесных братьев». Нет гарантий в том, что среди них отдельные группы не решают свои финансовые проблемы. Вполне реально, что некоторые «братья» просто мстят за конкретные обиды, нанесенные представителями правоохранительных органов, а некоторые – бандитствуют под прикрытием идеи защиты исламских религиозных ценностей. Так или иначе, той однородности и в определенной степени религиозно ориентированной деятельности, которая была в конце 1990-х годов в рядах «лесных братьев», сегодня нет. Данная ситуация, с одной стороны, расширяет спектр возможных причин оттока молодежи в «лес». С другой – уменьшает религиозно-политический статус экстремистской деятельности.

В связи с новыми обстоятельствами вопросы о ваххабизме в исследовании 2010 г. были заданы в несколько иной форме. Ранее респондентам предлагалось оценить те или иные профессиональные позиции «ваххабитов», не говоря о том, что они являются ваххабитскими, салафитскими. В трех вопросах анкеты 2010 г. термин «ваххабит» был использован непосредственно. Вопросы касались причин террористической активности ваххабитов, ухода молодежи к «лесным братьям» и того, мог бы оказаться респондент в связи с какими-то жизненными обстоятельствами в их рядах. В отношении последнего вопроса даже маленький процент ответивших «да» был бы тревожным сигналом. Данные опросов позволяют судить о двояком влиянии религиозного фактора на возможное участие в экстремистской деятельности НВФ молодежи. Во-первых, показатель «никогда» у верующих хоть и незначительно, но ниже, чем средний по выборке (74,4 % и 75 %), а индекс «да» («могу оказаться в рядах «лесных братьев»») выше. «Возможное» участие в деятельности НВФ у верующих также больше, чем по выборке. Об этом же говорит высокий показатель «возможно» у «фундаменталистов» по сравнению с «модернистами». Несмотря на то что в ответах «да» «модернисты» несколько превзошли «фундаменталистов», суммарный показатель экстремальности по обеим позициям у «фундаменталистов» выше – 11,6 % против 9,6 %. Во-вторых, сравне-

ние ответов религиозных и светских учебных заведений показывает неоднородность оценок «лесных братьев» в религиозной среде.

Материалы исследования свидетельствуют: в религиозных учебных заведениях оказались самые низкие показатели экстремальности. Чем обусловлен этот факт? Прежде всего, в исламских учебных заведениях ведется активная «антиваххабитская» пропаганда, что не удивительно, так как они принадлежат идейным противникам «ваххабитов» – суфиям. Можно констатировать, что она имеет определенный успех. Как писали в анкетах отдельные респонденты из исламских учебных заведений: «Да убережет Всевышний от этого» (от участия в делах «лесных братьев»); «Если бы я не знал свою религию, то, возможно, ответил “да”». Вместе с тем, как показал опрос, в других сферах общественной и государственной жизни экстремальность данной группы высокая. Подчеркнем, что в светских учебных заведениях респондентов, уверенных в том, что «никогда» не окажутся в среде «лесных братьев», относительно больше, чем в религиозных (85,9 % против 74,4 %).

Из анализа данных опросов можно сделать вывод, что в молодежной среде имеется экстремальный потенциал. Он носит как религиозный, так и социально-протестный характер, присущ 11–12 % молодежи. Наибольшие показатели экстремальности наблюдается в возрастной группе «от 18 до 25 лет» (14,9 %), среди мужчин (15,6 %).

Респондентам задавался вопрос о причинах террористической активности ваххабитов в Дагестане. 7,3 % тех, кто называет себя верующим, считают, что это защита дагестанцами «истинной религии мусульман». Наибольшее число респондентов (59,1 %) усматривают причину этого явления в реализации интересов зарубежных террористических организаций за деньги «людьми без веры». 9,7 % считают, что это протест дагестанцев, которых чем-то «обидела власть»; «бандитизм» – указали 30,1 % (респондент мог отметить несколько вариантов). Данная «картина причин», представленная молодыми людьми, достаточно реалистична.

Параллельно перед опрашиваемыми ставился вопрос о причинах ухода молодых в лес. Он в определенном смысле был контрольным для предыдущего. Ответы на него частично подтвердили полученные результаты. В частности, на религиозный фактор («защита истинного ислама») указали 7,8 %; на пункт «из-за бандитских побуждений» – 16,5 %; «из-за желания заработать» – 34,4 %. Вариантов ответа в формулировке данного вопроса было больше, вследствие чего распределение суждений по ним выглядит «раздробленной». Один из новых вариантов – «многие из них попадают туда случайно, поддавшись уговорам», «желают почувствовать силу, романтику» – отметили 33,1 % опрошенных. Получается, что молодежь главными причинами «ухода в лес» считает: стремление заработать; случайные обстоятельства; желание почувствовать силу; романтику; бандитские побуждения. В пункте «стремление заработать» речь не идет о том, что была необходимость «содержать себя, семью». Данный вариант ответа был предложен в числе других и занял 4-е место в иерархии причин экстремальности в сознании молодежи (10,5 %). Религиозный фактор – на 5-м месте (7,8 %). Борьба за социальную справедливость, о которой так часто говорят защитники «лесных братьев», оказалась на последнем – 7-м месте (4,4 %).

Итак, наш анализ показывает, что религиозный фактор играет определенную роль в активизации экстремистского поведения молодежи Дагестана. Но было бы ошибочно считать, что явление, обозначенное как деятельность «лесных братьев» (или НВФ, «ваххабитов»), целиком определено религиозными причинами. Материалы исследования свидетельствуют: религиозный фактор играет хотя и болезненную, но относительно небольшую роль. «Болезненность» усугубляется тем обстоятельством, что обычные выражения социального протеста по поводу тяжелых материальных условий, социальной несправедливости, наряду с проявлениями преступности, в молодежном сознании находят религиозное оправдание. Это не случайно: в Дагестане сегодня идет интенсивная религиозно-идеологическая обра-

ботка молодого поколения исламскими духовными лидерами. Эти лидеры, главным образом салафитские, пытаются сакрализировать социальные отношения, склонны преувеличивать роль религиозного фактора в протестных действиях молодежи. Тем самым они пытаются открыть новые возможности для усиления процессов клерикализации общественной и государственной жизни.

«СоцИс: Социологические исследования», М., 2012 г., № 1, с. 106–113.

ПЕРСПЕКТИВЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Рашид Эмиров, политолог

Главная проблема народов Северного Кавказа, равно как и всего постсоветского пространства, состоит в потере духовных, идеологических и политических ориентиров. Пробуждение национального самосознания – это прежде всего результат глубоких изменений в мировоззрении и умонастроениях народов, нуждающихся в новых, более совершенных формах социальной и экономической самоорганизации, своеобразная реакция на ущемление их национальных интересов.

В данной связи следует затронуть один, как представляется, весьма важный вопрос. Разного рода этнонациональные и национально-культурные, а также религиозно-фундаменталистские движения часто изображаются как ретроградные явления, порожденные непониманием закономерностей общественно-исторического развития, как пережитки старых, изживших себя эпох и т.д. В действительности же они являются реакцией на современные реалии и порождены этими реалиями. Как справедливо отмечал Б.Дж. Стингер, этническая принадлежность отнюдь не является «иллюзорным самосознанием; она выступает как важная связующая сила сообщества, мощный основополагающий элемент идентификации и личностной самоидентификации любого человека».

Этим объясняется возрождение во всем мире стремления народов добиться независимости или той или иной степени автономии в рамках соответствующих государств. Эта тенденция характерна и для Европы. Например, Бельгии приходится периодически сталкиваться с фламандским и валлонским сепаратизмом; Франции – с национальными движениями бретонцев и басков; Великобритании – шотландцев и валлийцев, Испании – басков и каталонцев и т.д. Единству Канады время от времени бросает вызов франкоязычный Квебек, претендующий на независимость. И это притом, что несмотря на ряд очевидных факторов, связанных с распадом Югославии, Чехословакии и особенно СССР, в современном мире идея реализации права на создание чисто мононационального государства во все более растущей степени приобретает признаки анахроничности. Почти не осталось национально однородных государств. Большинство стран ныне являются по сути дела многонациональными. К тому же существуют народы, численность которых превышает десятки миллионов человек, но при этом они не имеют собственной государственности.

Поэтому не случайно, что, хотя ряд международно-правовых документов и включает специальные статьи, наделяющие этнические сообщества и народы правами на свободное развитие, они отнюдь не поощряют сепаратизм и расчленение государств по национальному принципу. Они подчеркивают недопустимость использования ссылок на принцип самоопределения для подрыва единства государства и национального единства.

Насильственные формы и средства территориально-государственной перекройки многонационального государства, как правило, редко приводят к удовлетворительному разрешению национального вопроса. Решение одних проблем внеправовыми, тем более насильственными методами и средствами порождает новые, еще более серьезные проблемы. К тому же в современном мире, где насчитывается около 8 тыс. языков, лимит дробления планеты на всевозрастающее число независимых национальных государств не может быть бесконечным.

Как показывает опыт последних трех-четырёх десятилетий, в большинстве случаев попытки того или иного этноса силой добиться создания собственного мононационального государства оборачивались трагическими последствиями прежде всего для самого этого народа. Этот же опыт свидетельствует и о том, что для достижения целей гармонического и рационального жизнеустройства народов необходимо использовать выработанные и апробированные в мировой практике разнообразные политико-правовые, дипломатические, социально-экономические средства, дающие возможность урегулировать самые острые проблемы.

Как уже говорилось, Россия представляет собой плюралистическое, многосоставное сообщество, состоящее из множества этнонациональных, лингвистических, культурных, конфессиональных и иных общностей или групп. Каждая из этих общностей имеет не только интересы, совпадающие с интересами остальных, но и собственные специфические интересы, противоречащие им и конфликтующие с ними. Иначе говоря, в России как едином государстве общий интерес или общая воля формируется из множества источников, главнейшими из которых являются этнонациональные сообщества. Нарушение прав и интересов какого-либо одного и тем более нескольких из этих сообществ способно так или иначе подорвать основы единого интереса и единой воли, что, в свою очередь, может обернуться миной замедленного действия, заложенной под здание единой России. Любая этнонациональная общность, подвергающаяся дискриминации, будет бороться за свои права, а результатом такой борьбы станут разного рода межнациональные раздоры, способствующие усилению дезинтеграционных тенденций.

Поэтому вполне естественно, что Российская Федерация, регулируя правовой статус национальных меньшинств и коренных малочисленных народов, приняла на себя обязательства строго соблюдать принципы и нормы, сформулированные в международно-правовых документах. Если в соответствии со своеобразно толкуемой идеей суверенитета привязать право наций и народностей к конкретным территориальным границам, то тогда как быть с представителями титульной нации той или иной республики, проживающими за пределами этой республики? Нельзя забывать, что миллионы представителей этнонациональных групп проживают на территории России, но вне пределов своих национальных республик. Например, более 2/3 татар (а по некоторым данным, даже больше) живут вне Татарстана. 2/3 мордвы обосновались вне Мордовии. В Башкортостане башкиры по численности занимают третье место после русских и татар. Значительные контингенты выходцев с Кавказа оказались разбросанными по всей территории бывшего СССР, большая их часть осела на Юге России.

Специфика формирования и эволюции российской государственности требует особого понимания суверенитета и самоопределения тех народов и республик, которые в течение многих поколений и даже веков совместно проживали в рамках этой государственности. Дело в том, что в России государство играло решающую роль в превращении разноликого конгломерата регионов и народов, культур и религий в единое политическое, административное, социокультурное и хозяйственно-экономическое пространство. Этому способствовало целенаправленное административно-государственное регулирование, включающее в себя самый широкий комплекс мер, таких как переустройство производственно-хозяйственного уклада, вовлечение всех народов в единое культурное и информационное пространство, единый государственный и социокультурный организм. Поэтому не всегда корректно сравнивать положение национальных меньшинств в ряде стран Европы, например Голландии, Германии, Франции и других, с одной стороны, и России – с другой.

Во многих европейских странах речь в основном идет о мигрантах, и для них это сугубо миграционная проблема. В России же более 95 % мусульманского населения – это автохтонное население, или коренные народы. То же самое можно сказать о финно-угор-

ских народах, не говоря уже о палеоазиатских этносах и народах. Этот фактор радикально меняет суть проблемы, характер требований меньшинств. Во Франции, например, в бунтующих кварталах Парижа не ставится вопрос о национальном самоопределении, отделении от Франции и т.д. То же самое в Германии, где обосновавшиеся турки даже теоретически не могут поднять подобного вопроса. Совершенно иная ситуация в России.

Ко времени распада Советского Союза социальные, экономические и политические структуры, да и сам образ жизни, система ценностей, ориентаций и установок подавляющего большинства россиян подверглись глубокой трансформации. Укоренились многосторонние связи, интегрально пронизывающие экономическую, социокультурную, образовательную, духовную, политическую и иные сферы жизни страны. В результате коренным образом изменилось положение всех без исключения национально-территориальных государственных образований, трансформировался сам образ жизни людей, их менталитет и т.д. Поэтому естественно, что традиционные категории и понятия национального суверенитета, самоопределения, независимости и так далее предстают в совершенно новом свете.

Любое политическое образование можно сохранить в течение более или менее длительного времени либо с помощью насилия, либо тем, что все составляющие его сегменты объединяют единый интерес, согласие и единая воля к совместному сожительству. Задача эта успешно решалась в период тоталитарной власти, когда социальные, экономические и иные проблемы разрешались волевым путем. В современных условиях это уже невозможно. Северный Кавказ – плюралистическое, многосоставное сообщество, состоящее из множества этнонациональных общностей или групп, культур, конфессий, языков и т.д. Каждая из этих общностей имеет не только интересы, совпадающие с интересами остальных сегментов, но также собственные специфические интересы, противоречащие им, конфликтующие с ними. Поэтому естественно, что национальный вопрос для большинства республик Северного Кавказа имеет ключевое значение, и без его разрешения невозможно разрешить ни один серьезный вопрос социального, экономического и политического характера.

В отечественной научной литературе обоснованно указывалось на бесперспективность перекройки политической карты России по этнонациональному принципу и попыток создания чисто этнических государственных образований на основе политизированного этнизма или этнонационализма. И действительно, «возникает вопрос о том, какое именно независимое и суверенное национальное государство возникнет в Дагестане – лезгинское, аварское, кумыкское, даргинское и т.д.? В Кабардино-Балкарии – кабардинское, балкарское, русскоязычное? В Карачаево-Черкесии – карачаевское, черкесское, русскоязычное или какое-либо иное? И так далее в том же духе. Очевидно, что каждый из этих национализмов неизбежно будет стимулировать национализм у других народов и так до бесконечности».

Здесь нельзя упускать из виду и следующий очень важный момент, который, к сожалению, не всегда в полной мере учитывается. Дело в том, что «при формировании государственно-административной структуры СССР государственные границы проводились буквально по живому телу этносов. Достаточно оторваться от абстрактных схем и взглянуть на проблему трезвыми глазами на местах, чтобы убедиться в том, что любая попытка установить государственные границы по сугубо национальному принципу обернется непредсказуемыми кровавыми последствиями, поскольку в создавшихся ныне условиях их пришлось бы провести не только по живым телам, но и душам и сердцам многих и многих народов».

В данной связи не представляется возможным позитивно оценить факт сохранения национальных автономных образований в пределах Ставропольского и Краснодарского краев – Карачаево-Черкесии и Адыгеи, – которые стали дополнительными проблемными районами Северного Кавказа. Этот акт, конечно, выполнил текущую задачу инициаторов республиканского референдума 1992 г. в Карачаево-Черкесии, а именно: сохранение ее единства ради удержания у власти старых кланов административной элиты. Не удивительно,

что появились многочисленные проекты, предлагающие реформировать тем или иным образом федеративное устройство республик Северного Кавказа. Более того, подобные идеи в последнее время становятся частью политического контекста Юга России.

В связи с этим нельзя не отметить доходящие до абсурда проекты воссоединения родственных народов, проживающих в разных национальных республиках, путем их переобъединения в составе новых моноэтнических республик. Так, например, Х.И. Тугуз предлагает объединить искусственно разьединенные, по его мнению, в прошлом народы и территории «для их этнического возрождения и более успешного развития российского федерализма». Для этого, как он считает, необходимо образовать:

- во-первых, Адыгскую Республику в составе автономных округов: Кабардинский (центр г. Нальчик), Адыгейский (центр г. Майкоп), Черкесский (центр г. Черкесск);

- во-вторых, Карачаево-Балкарскую Республику в составе автономных округов: Карачаевский (в границах 1920 г. с центром в г. Карачаевск), Балкарский (в границах 1921 г.).

В перспективе, как считает Тугуз, возможно создание и других национально-государственных образований как этническое воссоединение вайнахов (чеченцев и ингушей), осетин, лезгин, ногайцев и др.

Однако такого рода проекты не имеют каких-либо объективных оснований, поскольку между предлагаемыми к объединению образованиями нет серьезных территориальных, экономических и иных связей. К тому же реализация подобных проектов приведет к дальнейшему проявлению недостатков национально-государственного строительства советского периода. Нельзя не согласиться с В.А. Тишковым, по мнению которого «попытки восстановить историческую справедливость приводят к новым несправедливостям уже в отношении современного населения. В рамках единого государства эти проблемы должны решаться на путях взаимного сотрудничества, свободы передвижения и проживания, развития экономических и гуманитарных связей, уважения индивидуальных и коллективных прав граждан».

Зачастую для целого ряда малых народов, к примеру для таких, как цахуры, агулы, андийцы и другие, более насущным является не столько вопрос об обеспечении их представительства в региональных и федеральных органах государственной власти, сколько решение совместно с соседями конкретных вопросов обеспечения материального благосостояния.

Нельзя не признать того, что выделение национальных автономий в самостоятельные единицы государственно-территориального устройства СССР действительно сыграло определенную положительную роль в плане их экономического, социального и культурного развития. Однако уже к концу советского периода стал очевиден факт отставания административно-территориального деления страны и отдельных регионов от основных направлений и тенденций социально-экономического и политического развития страны и остального мира. В современных условиях принцип административно-территориального деления, заложенный много десятилетий назад, изжил себя и действует только в силу исторической традиции, вернее сказать, инерции. Более того, он стал одним из факторов, препятствующих окончательному преодолению конфликтности региона, обеспечению единства, устойчивости и безопасности государства. Поэтому необходимы поиски новых форм и путей перехода от национально-территориальной к территориально-административной федерации.

Как показывает мировой опыт, полиэтничность не всегда и не обязательно предполагает национально-территориальный принцип государственного устройства. Наглядное представление об этом можно получить на примере США и ряда других стран, которые построены либо исключительно, либо преимущественно на административно-территориальном принципе. Помимо всего прочего, как показал опыт СССР, национально-территориальная федерация сопряжена с появлением феномена титульного этноса или титульного народа, что, например, на Северном Кавказе, где, по сути дела, имеет место прямо-таки

вавилонское смешение народов, является просто нонсенсом. Именно этот феномен во многом благоприятствует фактической легитимации региональных политических элит на этнической основе. А это, в свою очередь, ведет, если не публично, то фактически в негласной форме к иерархизации народов региона, их разделению на равных и более равных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.